

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-92-109

Теоретические подходы к международным отношениям в Японии

О.А. Добринская

Аннотация. В статье рассматривается эволюция японских теоретических подходов к международным отношениям. Дана краткая характеристика интеллектуальных течений, концепций, характерных для исследований МО в довоенное время, а также рассмотрено их развитие после 1945 г. Японские теоретические подходы к МО в основном берут начало из западных школ философии, политологии, права, однако в них прослеживаются национальные особенности. Западные теории выборочно ложились на японскую почву, и если некоторые из них получили развитие в трудах японских ученых, то другие, напротив, не вызвали большого интереса. В целом можно сказать, что под влиянием западной мысли и национальных традиций в Японии появились самобытные концепции. Японские подходы к международным отношениям эволюционировали одновременно с концептуальным переосмыслением окружающего мира и места в нем Японии, ее национальной идентичности.

Особенностью японских подходов к международным отношениям является акцент на их экономических и культурных аспектах, а также продвижение концепций, которые могли бы обеспечить глобальное лидерство Японии как невоенной державы. Можно отметить интерес к прикладным аспектам ТМО, позволяющим обосновать те или иные внешнеполитические цели. В целом теоретические подходы к МО тяготеют больше к поиску ответов на конкретные вопросы, чем к абстрактным построениям. В этом находят отражение особенности японского менталитета и характерные черты японской политической культуры.

Ключевые слова: Япония, ТМО, реализм, либерализм, мир-система, безопасность человека, культура.

Автор: Добринская Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Дипломатической академии МИД России (Москва, ул. Остоженка, д. 51), научный сотрудник Института Востоковедения РАН (Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000-0002-5967-366X. E-mail: Doa94123@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Добринская О.А. Теоретические подходы к международным отношениям в Японии // Японские исследования. 2021. № 2. С. 92–109. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-92-109

Theoretical approaches to international relations in Japan

O.A. Dobrinskaya

Abstract. The article examines some aspects of the evolution of Japanese theoretical approaches to international relations (IR). A brief description of intellectual currents and concepts characteristic of the IR

studies in the pre-war period is given, and their development after 1945 is considered as well. Japanese theoretical approaches to international relations mainly originate from Western schools of philosophy, political science, and law, but national peculiarities are traced in them. Western theories selectively lay on Japanese soil, and while some of them were further developed in the works of Japanese scholars, others, on the contrary, did not arouse much interest. In general, we can say that, under the influence of Western thought and Japanese traditions, distinctive concepts emerged in Japan. Japanese approaches to IR have evolved simultaneously with the conceptual rethinking of the surrounding world and Japan's place in it, as well as its national identity. A feature of Japanese approaches to IR is the emphasis on their economic and cultural aspects, as well as the promotion of concepts that could ensure the global leadership of Japan as a non-military power. One can note the interest in the applied aspects of the IR theories, which make it possible to substantiate certain foreign policy goals. In general, theoretical approaches to IR tend more towards finding answers to specific questions than to abstract constructions. This reflects the peculiarities of the Japanese mentality and the characteristic features of Japanese political culture.

Keywords: Japan, IR, realism, liberalism, world system, human security, culture.

Author: *Dobrinskaya Olga A.*, PhD, Senior Lecturer, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (address: 53/2, Ostozhenka Str., Moscow, 119021, Russian Federation); Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). E-mail: doa_78@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Dobrinskaya O.A. (2021). Teoreticheskiye podkhody k mezhdunarodnym otnosheniyam v Yaponii [Theoretical approaches to international relations in Japan]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*. 2021, 2, 92–109. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-92-109

Обращение к незападным, прежде всего, азиатским ТМО, стало одной из тенденций, характеризующих современные исследования МО. Понимание недостаточности западноцентричного подхода к мироустройству обусловило поиск альтернативных моделей, способных представить новый путь его развития. Причины интереса к азиатским ТМО обусловлены бурным экономическим развитием Азии, особенно ее восточной части, прогрессом в научном плане и в сфере социальных наук, а также тем, что «кризис именно западной модели политической организации мира побуждает искать решения в иных цивилизационных структурах...» [Лебедева 2017, с. 251].

Этот поиск нашел отражение в появлении многочисленных публикаций по данной проблематике. В 2010 г. была выпущена коллективная монография под редакцией А. Ачарья и Б. Бузана, в которой были рассмотрены особенности подходов к МО на Востоке. В российских академических кругах проблематика интереса к незападным ТМО освещена в трудах М. Лебедевой, Т. Алексеевой, П. Цыганкова. Из азиатских подходов к ТМО широкое освещение получили китайские, например, анализ концептов «Тянься», «морального реализма» и «теории отношений», представленный Е. Грачиковым [Грачиков 2016, с. 68–80]. Японские подходы к ТМО проанализированы в работах С. Чугрова, отмечающего в японской академической традиции сочетание политического реализма и базового стремления к гармонизации отношений, предпочтения мягкой силе [Чугров 2020, с. 76].

Теоретические вопросы международных отношений (МО) рассмотрены в трудах многих японских ученых, как современных, так и довоенного времени. Пожалуй, самым известным политологом, классифицировавшим японские теории международных отношений, является

профессор Т. Иногути [Inoguchi 2010], немало трудов посвятивший этой теме. Послевоенная эволюция японских подходов к международным отношениям тщательно проанализирована в работах К. Ямамото [Yamamoto 2011, 2014]. Из работ этих авторов очевидно, что подходы к теории международных отношений в Японии формировались под влиянием западной политической мысли (до Второй мировой войны это была Европа, а после 1945 г. стали США). В то же время они характеризуются рядом особенностей, которые можно считать результатом сочетания японского мировоззрения и западного интеллектуального влияния. В качестве примеров можно привести исследования Дз. Икэда, рассматривающего изыскания японских теоретиков через категорию «международное сообщество» [Ikeda 2008]. К. Симидзу выделяет культурную составляющую в японских теоретических подходах к МО [Shimizu 2008].

Безусловно, японские ТМО развивались под влиянием западной мысли. В то же время очевидно, что новые тренды выборочно ложились на японскую почву, что заставляет задаться вопросом, что именно обуславливало принятие или непринятие той или иной концепции. Анализ некоторых аспектов японских ТМО позволяет выдвинуть гипотезу, что наиболее органично воспринимались те концепции, которые были близки японским традициям и отвечали запросам развития нации на определенном временном этапе.

В данной статье предпринята попытка расширить представления о японском взгляде на ТМО, проследить закономерности его эволюции, а также связь с существующими внешнеполитическими концепциями, характеризующими взгляд японцев на место и роль своей страны в мире.

Зарождение науки о МО в Японии: европейские традиции

Зарождение науки о МО в Японии приходится на конец XIX века. Реставрация Мэйдзи дала мощный импульс интеллектуальным поискам, а знакомство с трудами европейских ученых и стремление создать сильное государство, не уступающее европейским державам, обусловили интерес к социальным наукам, пришедшим с Запада.

Наука о МО в Японии сформировалась как симбиоз различных дисциплин, таких как дипломатическая история, международное право, международная экономика, регионоведение, политические теории. Японский вариант ТМО сочетает в себе и такие области, которые не относят к МО, например, философию, колониальные исследования, антропологию.

На рубеже веков шло быстрое освоение основ западной политологии и международных отношений, о чем свидетельствовало большое количество работ японских мыслителей. (Подробнее см. [Чугров 2020, с. 73–74]). Т. Иногути выделяет четыре основных направления, в которых развивалась японская наука о МО: Staatslehre, марксизм, историзм и американская политическая традиция.

Staatslehre представляет собой науку, изучающую вопросы управления государством. Она появилась в Японии под влиянием распространения немецкой науки, поскольку Германия во многом служила примером для создания суверенного государства по западному образцу. Ее традиции оказали большое влияние на изучение военного дела и колониальные исследования. Для учения о государстве характерен акцент на описательные методы, а также опора на документальные источники. Важную роль в развитии дисциплины играли ученые в сфере политической теории и международного права. Тематика международных отношений

в Японии первоначально рассматривалась на страницах альманаха «Журнал международного права и дипломатии» [Ikeda 2008, p.6]. После войны в науке о государстве акцент был сделан на вопросах юриспруденции и экономики.

Марксизм, по определению Т. Иногути, представляет собой интеллектуальное направление, которое изучает феномены через призму диалектики производительных сил и производственных отношений и их проявлений в политике [Inoguchi 2010, p. 51]. Марксизм получил распространение после Первой мировой войны, особенно популярен он стал в контексте изучения социально-экономических проблем в период зарождения рабочего движения. В 1919 г. в Токийском и Киотоском императорских университетах были открыты кафедры экономики, что придало импульс изучению марксизма, и к 1920-м гг. марксистское понимание классовой борьбы и капитализма получило широкое распространение среди японских экономистов [Nakano 2007, p. 5]. Поскольку в 1920-е гг. марксисты подвергались репрессиям, развитие марксистской науки было ограниченным, и только после 1945 г., на волне послевоенной демократизации, когда марксисты и коммунисты вышли из тюрем, марксизм вновь обрел влияние, оно стало ослабевать к концу 1960-х гг., и в 1970-е гг. марксизм постепенно стал уходить на периферию политической науки.

Третье направление – историзм – характеризуется особым вниманием к изучению документальных источников, фактологической базы. Для него характерен акцент на описательную сторону, внимание к деталям, а не теоретические построения. В процессе изучения истории сталкивались с необходимостью анализа субъективных факторов, мотивов, настроений действующих лиц, влияющих на принятие решений, что делало исторический метод близким конструктивизму. Поэтому до тех пор пока Америка не «изобрела» конструктивизм, многие японские историки МО ощущали, что они всегда были конструктивистами [Inoguchi 2010, p. 53]. В отличие от приверженцев науки о государстве, представители историзма не придавали большого значения актуальности их исследований с точки зрения политики, изучая события и персоналии прошлого.

Историзм оставался доминирующим течением исследований международных отношений в Японии после окончания Второй мировой войны. Неудивительно, что в послевоенные годы основное внимание ученых было направлено на исследование причин, приведших Японию к войне. В декабре 1956 г. была основана Японская ассоциация международных отношений, которая преимущественно занималась изучением вопросов истории, чему способствовало постепенное снятие грифа секретности с документов, касающихся войны [Yamamoto 2011, p. 263].

Четвертое направление – позитивизм – по классификации Т. Иногути, основан на принципе, согласно которому все должно быть эмпирически проверено, и связан он преимущественно с американской политической наукой. В то же время, по словам японского профессора, было бы неверно говорить о том, что зарождение позитивизма в Японии являлось только результатом влияния США, поскольку и в самой Японии еще в конце XIX века появились труды, написанные в духе позитивизма, например, «Призыв к знаниям» мыслителя Фукудзава Юкити [Inoguchi 2010, p. 51–52]. После войны это направление получило развитие, достигнув пика в 1970-е – 2000-е гг. Все перечисленные Т. Иногути направления развивались параллельно, между ними не существовало серьезных разногласий, но при этом они и не стремились к взаимному сближению и, возможно, интеграции.

Говоря о довоенных исследованиях МО в Японии, профессор Токийского университета Т. Сакаи предлагает еще одну классификацию. Он разделяет международные отношения и изучение колониальной политики, предметами которых были, соответственно, «международный порядок», то есть отношения между равными странами, в основном, европейскими, и «имперский порядок», то есть порядок, насаждаемый странам, находящимся за границами этого «международного порядка». Япония же оказалась одновременно и в первом, и во втором измерении, что оказало влияние на ее идентичность и, соответственно, нашло отражение в академических трудах. По наблюдениям Т. Сакаи, ученые на рубеже веков подчеркивали близость Японии идеологии интернационализма, международному порядку, построенному на западном понимании мира как общества, состоявшего из равноправных членов, и в то же время принятие ею идеологии империализма, согласно которой Япония как лидер Азии должна вести регион по направлению к цивилизации. Примирению этих двух идеологий – интернационализма и империализма – могло способствовать только проведение колониальной политики, основанной на уважении к социокультурному и историческому разнообразию [Shimizu 2008, p. 73].

Японский взгляд: мир как международное общество

Еще одну категорию исследования японских теоретических подходов к МО предлагает доцент университета Тояма Дз. Икэда, который использует понятие «международное общество». На основании анализа этой категории Дз. Икэда выделяет четыре группы ученых-международников: идеалисты (М. Рояма), кельзенианцы (А. Осава и К. Ёкота), космополиты (Х. Камикава и К. Танака) и сторонники Великой Азии (К. Ясуи и С. Табата) [Ikeda 2008, p. 11].

М. Рояма (1895–1980), профессор Токийского императорского института, исходил из разделения понятий «международная политика» и «внешняя политика». Если под первым он подразумевал политическую деятельность государств, направленную на достижение ими общих целей, то второе являлось политикой, осуществляемой государством в целях обеспечения собственных интересов. Согласно теории Рояма, международное общество является единым целым (*дзэнтай сякай*), состоит из государств (основное общество – *кисо сякай*) и негосударственных акторов (производное общество – *хасэй сякай*). Таким образом, уже в период господства государствоцентричной *Staatslehre* этот ученый признавал роль негосударственных акторов в МО. Идеализм М. Рояма сформировался под влиянием британских идеалистов, прежде всего Л. Вульфа и его теории международного правительства [Ikeda, 2008, p. 12].

Кельзенианцы (последователи Ганса Кельзена, юриста и философа, теоретика правового позитивизма), изучающие МО, являлись выходцами из среды юристов-международников, что определило особенности их подхода к предмету. Они строили свое видение международного общества через призму юридической терминологии, в частности, через категорию порядка. Профессор императорского университета Кюсю А. Осава (1889–1967) представлял международное общество как правовой порядок. Он писал о существовании некоего интегрированного правопорядка, основанного на сочетании международного и суверенного порядка. При этом международный порядок стоял выше национального,

и даже предполагалось существование международно-правовой конституции, которая обосновывала легитимность этого международного порядка. К. Ёкота (1896–1993) применял аргументы Кельзена в отношении мирового общества уже в послевоенное время. К. Ёкота отрицал идею государственного суверенитета и говорил о «мировом суверенитете», которым обладает мир как единое общество. Он был одним из наиболее ярых приверженцев идеи ООН, а Устав ООН считал международной конституцией.

Ученые, которых можно назвать «космополитами», появились в межвоенный период. К их представителям Дз. Икэда относит Х. Камикава (1889–1988) – профессора международных отношений в Токийском императорском университете, в чьих работах сильно влияние кантианской традиции [Sato, Ikeda 2011, p. 23]. Развивая идею мира во всем мире, Х. Камикава говорил о мировом пацифизме и мировом солидаризме, которые считал основополагающими принципами международной политики. Международная политика, по его мнению, представляла собой совместный международный контроль, осуществляемый с целью установления мира и реализации культурных, общественных, политических, экономических и других целей для каждой этнической группы и для всего человечества в целом.

Схожих взглядов придерживался профессор Токийского императорского университета К. Танака, однако его изыскания лежали, скорей, не в философской, а в правовой плоскости. В частности, он говорил о мировом законе, который не существовал априори, а становился таким в результате универсализации определенных законов. В его взглядах было сильно влияние экономической взаимозависимости, его концепция международного общества представляла собой общество, связанное между собой глобальной экономикой, а теория мирового закона развивалась как транснациональное экономическое право.

Сторонники Великой Азии – К. Ясуи (1907–1980) и С. Табата (1911–2001) – связывали свои теоретические построения с политикой создания Сферы процветания Великой Азии. Критерий выделения именно этих ученых в данную категорию Дз. Икэда обосновывает тем, что на их взгляды сильное влияние оказала концепция «Большого пространства» К. Шмитта. К. Ясуи также рассматривал международное общество с позиций правового порядка, однако говорил не об универсальном порядке, а о конкретном порядке в Азии, освободившейся от Европы и ее правил. К. Ясуи считал возможным говорить о существовании международного права Великой Азии, которое представляет собой правовую систему, регулирующую отношения как внутри сферы, так и за ее пределами.

С. Табата, рассуждая о международном порядке, отрицал его единую сущность и представлял его как плюралистичную структуру. Во-первых, присоединение восточных государств к международному (то есть европейскому) порядку не означало универсализацию этого порядка и распространение его на западные государства. Во-вторых, он говорил о появлении региональных блоков. Позже он отошел от плюралистичного подхода к миропорядку в пользу подхода, основанного на солидаризме, в котором больший акцент был сделан на правах человека.

По мнению Дз. Икэда, особенностью японских исследований международного общества является то, что они задают вопрос о солидаризме, власти и автономии. Причем, именно третий вопрос характерен для японского взгляда на МО. Икэда объясняет это «промежуточным положением Японии – между европейским миром колонизаторов и внешним миром колоний. Изучение вопроса об автономии находилось в центре внимания,

потому что являлось обоснованием того, насколько Япония должна быть свободной от правил Европейского мира [Ikeda p. 21].

Таким образом, в Японии еще до знакомства с американской политической наукой существовали свои самобытные подходы к международным отношениям. Чаще всего их появление было стимулировано изучением трудов европейских, прежде всего немецких или британских авторов, однако на основе импортированных из-за рубежа концепций японские ученые создавали собственные теоретические конструкции. Нередко в центре этих исследований находился вопрос о восприятии Японией своей идентичности, положения между Западом и Востоком, ее региональной роли. Уже на раннем этапе изучения МО в Японии можно выделить понимание важности социальных и культурных аспектов международных отношений, многослойности мирового порядка, роли в нем негосударственных акторов.

МО в период «холодной войны»: Великие дебаты и новые тенденции

После окончания Второй мировой войны Япония вступила в новую полосу «интернационализации». Американское влияние прослеживалось во всех аспектах жизни страны, в том числе и в ее интеллектуальных изысканиях. В Японии получили распространение теории МО, популярные в США, хотя и здесь и их восприятие, и их эволюция имеют национальную специфику. Можно говорить о существовании американской политической традиции в преломлении японских представлений о внешней политике и безопасности.

В Японии не были воспроизведены Великие дебаты в том виде, в котором они прошли на Западе. Единственным серьезным идеологическим противостоянием стали развернувшиеся в 1950-е – 1960-е гг. дебаты между реалистами и либералами (их также называют идеалистами, утопистами). Споры велись вокруг практических вопросов – параметров Сан-Францисского мирного договора, завершающего состояние войны (должен ли он быть подписан только с западными державами или со всеми, кто воевал с Японией), и целесообразности существования военно-политического союза с США. Несмотря на то, что их нередко сравнивают с Великими дебатами, развернувшимися на Западе, следует отметить, что само понимание реализма и идеализма применительно к японским реалиям отличается от их западной трактовки. Так, под идеализмом понимается тенденция ставить во главу угла пацифизм, основанный на 9 статье Конституции, и урезать роль, которую Япония выполняет согласно военно-политическому союзу с США. Под реализмом понимают тенденцию ставить альянс с США на первое место и преуменьшать роль конституции [Inoguchi 2010, p. 58].

Наиболее известным представителем реализма являлся политолог М. Косака. Он выступал поборником сохранения союза с США, считая, что именно реализм способен обеспечить безопасность страны. В статье «Реалистская теория мира» М. Косака писал: «Опыт войны продемонстрировал, что надежда на политику силы ошибочна, однако идеалы, не основанные на силе, лишены реального содержания» [Kosaka 2012, p. 398]. Он считал, что альянс обеспечивает баланс сил на Дальнем Востоке, а там, где нет баланса сил, не может быть и мира.

Его оппонентом выступал ученый и журналист Ё. Сакамото, который со страниц журнала «Сэкай» доказывал, что нейтралитет и пацифизм вполне способны обеспечить безопасность Японии. Главный его аргумент состоял в том, что Япония не сможет защитить себя в ядерной войне, а существование на ее территории американских баз не обезопасит ее, а напротив, сделает мишенью для нападения со стороны СССР или Китая.

Несмотря на противоположные точки зрения, реалисты и идеалисты не отрицали полностью взгляды друг друга. Так, например, М. Косака, хотя и считал аргументы идеалистов оторванными от реальности, признавал вклад нейтрализма в дискуссии о дипломатии, поскольку он подчеркивает важность идеалов в дипломатии и, соответственно, ставит вопрос о ценностях в международной политике. М. Косака писал: «Если государство не придает значения вопросу того, какие ценности оно должно преследовать, то существует опасность, что реализм... выродится в цинизм... Ценность, которой Япония должна придерживаться, заключается в абсолютном мире, установленном 9-й статьей Конституции» [Kosaka 2012, p. 400].

Дискуссии 1950–1960 гг. вышли за пределы академических кругов и затронули не только политиков, консервативные и левые политические силы, но и рядовых японцев. В день ратификации нового Договора безопасности в 1960 г. на улицы вышли многотысячные демонстрации, а для начала самой парламентской процедуры потребовалось вызывать полицию. Антиамериканские настроения были настолько сильны, что пришлось отменить визит в Японию президента Д. Эйзенхауэра. Именно на эти годы пришелся пик борьбы за выбор развития послевоенной Японии, который в конце концов был сделан в пользу союза с США.

Этот «большой спор» показал, что, во-первых, соперничество не носило абсолютный характер. Во-вторых, пацифизм являлся непререкаемой константой и идеалистов, и реалистов, отличался только их подход к воплощению его принципов. Пацифистская мысль в послевоенной Японии породила более либеральную форму реализма, чем в других странах. В-третьих, переход дискуссий в плоскость реализм-идеализм означал постепенный переход к теоретическому подходу к изучению МО, в противовес преобладавшему ранее историзму.

1970-е гг.: экономика в фокусе внимания

Трансформация внешней среды и изменения международного статуса Японии отразились на векторе дальнейшего движения теоретической мысли. Из страны, разрушенной после войны, она постепенно превращается в одного из мировых экономических лидеров, способного в перспективе сместить США с первых позиций. Япония совершила экономический прорыв и стала участником глобальных механизмов принятия политических и экономических решений. В связи с этим на первое место в академических исследованиях вышли вопросы стабильности мировой экономической системы, проблемы торговых противоречий с США. Кроме того, нефтяные кризисы 1973 г. и 1979 г. продемонстрировали Японии, какое значение для выживания страны имеют вопросы невоенной безопасности, такие как обеспеченность энергоресурсами.

Необходимость реагировать на колебания мировой экономики, торговые трения с США, а также внимание к обеспечению безопасности в условиях повышения значимости

ее невоенных аспектов определили вектор развития теоретических исследований. Центр их внимания сместился на вопросы международной политической экономики, а задача интеграции вопросов невоенной безопасности в повестку дня была решена путем выдвижения концепции комплексного обеспечения национальной безопасности.

В 1970-е гг. в теоретических исследованиях международных отношений в Японии на первый план вышли экономические вопросы. По наблюдениям японских ученых, даже анализ содержания японского журнала «Международная политика» показывал, что если в период с 1957 г. по 1969 г. из 350 статей только 15 были посвящены экономике, то с 1970 г. по 1979 г. к экономике относилось 200 статей [Yamamoto 2011, p. 266]. Экономические вопросы стали предметом исследований таких ученых как Т. Камо, А. Кусано. Кроме того, в 1970-е гг. японские ученые признают важность изучения транснациональных отношений и проблем невоенной безопасности, деятельности негосударственных акторов, таким образом, делая свой выбор в дебатах между государствоцентризмом и транснационализмом. Впоследствии это направление получит широкое развитие в таких областях, связанных с невоенной безопасностью, как экология.

Появление в японских академических кругах концепции комплексного обеспечения национальной безопасности (КОНБ) стало важной вехой на пути переосмысления этого понятия. Концепция исходила из расширительного толкования безопасности, отхода от ее сугубо военного содержания и включения в него экономики, продовольственной и энергетической безопасности. В экспертном докладе, посвященном КОНБ, говорилось о том, что безопасность – это защита от разного вида угроз, включающих не только военные угрозы, но и разрушение системы свободной торговли, недостаток энергоресурсов, природные бедствия.

Идея разработки концепции принадлежала премьер-министру М. Охира, давшему указание собрать экспертную группу, в которую вошел известный своими реалистскими взглядами М. Косака. Сама концепция, хотя и разрабатывалась в русле реализма, имела выраженный либеральный уклон. М. Косака не придерживался классического реалистского подхода, который признавал особое значение военной мощи, а считал невоенную мощь важным элементом международной политики. В этом смысле его подход к национальной безопасности пересекался с подходом либералов, которые делали акцент на транснациональных отношениях и взаимозависимости в 1970 и 1980 гг., а не на структурном реализме, представленном К. Уолтцем [Yamamoto 2018, p. 128].

В 1970-е гг. историзм постепенно стал уступать место теоретическому подходу к международным отношениям. Более отчетливо стала проявляться интернационализация изучения МО, поскольку многие ученые, работающие в этот период, получили образование в США и находились под влиянием американских методологических подходов. В то же время, несмотря на доминирующее положение американских исследований ТМО, японские подходы не испытали настолько сильного влияния с их стороны, как можно было бы предполагать. Так, например, дебаты между традиционализмом и бихевиоризмом не вызвали большого отклика. Вероятно, причина состоит в том, что бихевиоризм ближе к естественным наукам, а в Японии, более ориентированной на исторический подход, он оказался более сложен для восприятия. Ни дебаты между рефлексивизмом и рационализмом, ни дебаты между неореализмом и неолиберализмом не получили развития в Японии.

Японцы довольно спокойно отнеслись и к конструктивизму, с конца 1980-х гг. ставшему одним из главных направлений в исследованиях МО. Утверждения конструктивистов о роли норм и ценностей в международных отношениях в принципе были знакомы японцам и уже использовались как элемент исторического анализа. Конструктивизм уже был составной частью методологии изучения международных отношений в Японии. В то же время конструктивистский подход довольно распространен и нередко применяется авторами, публикующимися на Западе (например, Ё. Сато, К. Асидзава и др.).

Некоторые ученые пытались внедрить методы количественного анализа международных отношений, причем это наблюдалось как в либеральном, так и в консервативном лагере. В частности, Х. Сэки применял теорию игр в отношении проблем международной политики в 1959 г. Методы теории игр и компьютерного моделирования использовались в трудах Х. Сэки и К. Мусякодзи. Сторонником использования научных методов в международных отношениях был С. Это, специалист по истории Азии. В дальнейшем его ученики развили такие научные традиции, в частности, за счет использования математических, статистических и компьютерных методов. Появились труды, посвященные контент-анализу внешней политики азиатских стран, эконометрическому анализу японской внешней политики, применению метода компьютерного моделирования процесса принятия политических решений, математического метода, изучающего отношения между взаимозависимостью и конфликтами [Yamamoto 2011, p. 133]. Интерес к количественным методам изучения МО в Японии до недавнего времени был весьма умеренным, хотя в последнее время увеличилось количество статей ученых, использующих подобные подходы.

Мир-система: японский взгляд

В то же время теории мир-системного подхода и гегемонистской стабильности заинтересовали японцев. Утверждения Р. Гилпина о том, что присутствие гегемона в мировой экономической системе является одновременно неотъемлемым и достаточным условием появления и сохранения либерального устройства в международной экономике, вызвали живой отклик в Японии. Теория Р. Гилпина была рассмотрена в трудах Камо Такэхико, одного из идеологов теории взаимозависимости в мире, например, в книге «Теория и реальность взаимозависимости» (1988 г.) и др. Камо считал доминирование государств в международной системе главной причиной возникновения войн. На первый план он ставил экономические отношения между государствами и задавался вопросом о том, возможно ли существование нескольких гегемонов в условиях ведущей роли экономики в международных отношениях. Перенос феномен взаимозависимости в политическое измерение, Т. Камо утверждал, что количественные отношения между государствами переходят в качественные [Howe, Hook 1996, p. 145]. Кроме того, его исследования ставили в центр внимания вопрос о том, может ли преобладание негосударственных акторов, а также внимание к вопросам второстепенного характера и международная интеграция предотвратить войны.

В 1981 г. в Японии были переведены и опубликованы труды И. Валлерстайна, которые вызвали живой отклик в академических кругах. Хотя идеологический уклон И. Валлерстайна был воспринят не всеми учеными, его теория оказала влияние на развитие японских исследований МО. В частности, заслуживает внимания выдвинутый японскими учеными новый подход к мировой системе, обозначивший большую роль в ней Азии. Авторитетный

историк, профессор университета Сидзуока, Хамасита Такэси, отстаивал точку зрения о том, что азиатские региональные экономики формировались в результате внутриазиатского развития, а не взаимодействия с Европой. Т. Хамасита писал о существовании нескольких региональных мир-систем, чье взаимодействие привело к созданию глобальной мировой системы. Говоря о существовании региональных систем, Т. Хамасита вводит категорию «региона» или «зоны» как промежуточного звена между «страной» и «глобальной мир-системой», посредника между историческим процессом страны и историческим процессом глобальной мир-системы. В данном случае «регион» представляет собой область, включающую в себя несколько стран, и ее можно назвать мир-регионом, чтобы отделить от обычных регионов или стран. В случае Восточной и Юго-Восточной Азии этим «промежуточным» «мир-регионом» можно считать китайскую систему вассальной торговли. Т. Хамасита предположил существование китаецентричной региональной мир-системы, которая была старше европейской капиталистической мир-системы.

Взгляды Т. Хамасита поддержали ученые Х. Кавакацу, Т. Судзуки, С. Икэда. Развивая мысль Т. Хамасита, доцент университета Конкордия (Канада) С. Икэда подчеркивает, что старая историческая парадигма китаецентричного миропорядка существует и по сей день. Он выделяет два возможных сценария ее трансформации. Первый – это успех китайского рыночного социализма, при котором Китай достигнет статуса полупериферии в конфигурации мир-системы (центр – полупериферия – периферия). Улучшение социально экономических условий жизни будет сопровождаться возрождением Китая как центра военно-политического порядка. Это означает, что Запад и Япония потеряют относительное доминирование в результате активности европейских, американских и японских предприятий, стремящихся поставлять технологии и капитал в Китай, однако результатом этой глобальной трансформации может стать конец капиталистической мир-системы. Другой сценарий может привести к значительным накоплениям и поляризации доходов, то есть имущественному расслоению в Китае. В этом случае зональная структура мир-системы останется той же, однако политическая стабильность в Китае может оказаться под угрозой, что способно привести к массовой иммиграции и, соответственно, к дестабилизации не только в Восточной и Юго-Восточной Азии, но и в США [Ikeda 1996, p.63].

Таким образом, Т. Хамасита и его последователи предложили взгляд на развитие Азии не через призму «стадий развития» западной модели модернизации, а через сложные взаимоотношения внутри самого региона, в свете азиатских представлений об этом процессе. В отличие от Валлерстайна, представляющего историю как процесс, в ходе которого европейская капиталистическая мир-система постепенно включила в себя различные части Азии, Т. Хамасита выдвигает концепцию мировой истории как трансформации связей между множеством региональных систем, включающих европейскую мир-систему, которые продолжали существовать и после контакта с европейской капиталистической мир-системой [Ikeda p. 52–53]. Азия рассматривается не как пассивно включенный европейской мир-системой регион, а как полноправный участник процесса трансформации этой системы.

Альтернативные подходы к МО: культурное измерение

Усложнение картины международных отношений и расслоение основных теорий МО не могут не отразиться и на японских международных исследованиях, в частности, на

исследованиях, касающихся всего многообразия теоретических подходов к международным отношениям в Японии. Так, например, повышение невоенных аспектов безопасности, влияния негосударственных акторов, рост значимости неполитических аспектов международных отношений повлияли и на то, что в Японии больше внимания стали уделять трудам тех ученых, которые представляли точку зрения, альтернативную основным течениям ТМО. В частности, речь идет об исследованиях роли культуры в МО и мировой политике. По мнению японского ученого К. Симидзу, именно внимание к отношениям в сфере культуры является особенностью японских ТМО. В связи с этим он предлагает обратиться к трудам представителей этого направления, которое не вписывается в «мейнстрим» исследований ТМО. К. Симидзу выделяет несколько представителей «культурного» течения в японских исследованиях МО – А. Ириэ (род.1934), Н. Бамба (1937–1989) и К. Хирано (род. 1937).

В довоенное время культурная политика использовалась как обоснование колониализма. После войны дискурс о колониальной политике приобрел новые очертания, трансформировавшись в подход к МО через призму культурной политики. Это связано с именем почетного профессора Гарварда, историка А. Ириэ, в чьих трудах можно найти размышления о природе международных отношений (например, в вышедшей в свет в 1997 г. книге «Культурный интернационализм и миропорядок»). Культурный интернационализм А. Ириэ определяет как действия, предпринимаемые с целью объединения стран и народов посредством обмена идеями и гуманитарных обменов, через научное сотрудничество или усилия, направленные на улучшение понимания между нациями. Не подвергая сомнению то, что основным объектом МО является государство-нация, А. Ириэ делает акцент на взаимодействие вне государствоцентричных механизмов, которое составляет историю мирового развития наряду с действиями государств [Costigliola 2000, p. 377].

Еще одним представителем подобных взглядов являлся Н. Бамба, автор теории политики идентичности. Его подход состоял в том, что мировая политика является результатом взаимодействия не только наций, но и индивидуальных акторов. Он предлагает концепцию идентичности человека и действий, направленных на «доказательство существования» как движущих сил, заставляющих индивидов или социальные группы формировать международные отношения. Взаимодействие акторов, движимых желанием реализовать свою идентичность, порождает смыслы и ценности, которые Н. Бамба называет «культурой» [Shimizu 2008, p. 78].

Н. Бамба придавал особую роль в МО неправительственным организациям, деятельности субнациональных акторов. Он опирается на понятие «человеческий интерес», перенося фокус внимания с государства и «национальных интересов» на негосударственных акторов как субъект международных отношений. «Человеческий интерес» заключается в установлении мира, экономической безопасности, гармонии с природой, уважении личности и абсолютном равенстве.

Культурная традиция в японских исследованиях МО также представлена К. Хирано, автором теории международной культуры. К. Хирано предпринимает попытку применить к изучению МО антропологический метод, он рассматривает культуру не как частное, одно из измерений международных отношений, наряду с экономическим и политическим, как это делает А. Ириэ, а, скорее, использует ее как призму, через которую анализирует мировые дела. По мнению К. Хирано, культурные отношения означают взаимосвязь между

индивидами или негосударственными сообществами, которые выполняют важную роль в формировании международной структуры [Shimizu 2008, p. 79].

Подходы к МО после окончания «холодной войны»

После окончания «холодной войны» внешнеполитическая мысль в Японии развивалась вокруг вопросов безопасности и международной роли страны. Крушение биполярного миропорядка означало для Японии исчезновение угрозы со стороны СССР, но зато привело к обострению региональных конфликтов, которые ранее сдерживались довольно жесткой структурой биполярного противостояния супердержав. Одновременно с этим окончание «холодной войны» давало Японии возможность повысить международный статус, привести политическое влияние в соответствие с экономическим. Кроме того, крушение экономики мыльного пузыря и последующий период стагнации требовали поисков альтернативных направлений усиления своего международного влияния. В документах МИД, в речах политиков все чаще стали фигурировать утверждения о необходимости Японии играть творческую роль в создании нового миропорядка (например, [Diplomatic bluebook, 1998]). Размышления о новых реалиях нашли отражение в трудах японских международников, в том числе и тех, кто занимался теоретическими исследованиями МО. В направлениях теоретической мысли можно выделить реализм, либерализм и теоретическое обоснование концепции «безопасности человека». Ключевыми вопросами исследований были отношение к союзу безопасности США и дальнейшие направления внешней политики, то есть они носили скорее практический характер.

Появлялись и концептуальные разработки, касающиеся мироустройства в целом. Среди них можно выделить выдвинутую в 1993 г. теорию президента Национального университета политических исследований А. Танака о многополярности, представленной на нескольких слоях структуры международных отношений. Согласно этой теории, мир является трехслойной сферой, пласты которой взаимно проецируются. Мир является одновременно однополярным (США превосходит все другие страны по совокупности своих возможностей), трехполярным с точки зрения экономики (США, Япония и Германия) и пятиполярным в организационно-политическом отношении (США, Россия, Китай, Великобритания и Франция). В русскоязычной научной литературе эта теория получила название «теория комбинированной структуры» [Богатуров, Косолапов, Хрусталеv 2002, с. 290].

Альтернативной точки зрения придерживался профессор Кансайского университета С. Манабэ. Он считал, что мир переживает переходный период и имеет многоуровневую структуру, центральное место в которой должны занимать страны «среднего звена». С. Манабэ предложил концепцию «многослойной четырехугольной структуры международных отношений». В частности, в АТР она опирается на Японию, США, Монголию и Китай. По его мнению, именно такая структура адекватно отражает ситуацию, когда военная сила теряет значение в международных отношениях, и на первый план выходит задача решения глобальных проблем [Манабэ 1999, с. 283–293]. Упомянутые концепции объединяет стремление подчеркнуть ведущую роль Японии в формировании нового миропорядка, которая основана на экономической мощи и способности проявлять лидерство в сферах, не связанных с военной безопасностью.

Помимо концепций нового мироустройства японская внешнеполитическая мысль была сосредоточена на том, каким образом Японии следует проявить себя в мире, в том числе в решении проблем международной безопасности. Как и 50 лет назад, основной темой дискуссий стало отношение к союзу с США. По мнению японского ученого Т. Аканэя, ученых, изучающих вопросы безопасности, можно было разделить на четыре группы: реалисты-сторонники альянса (Х. Оказаки, С. Сато, М. Нисихара), либералы-сторонники альянса (Ё. Ямамото, К. Иногути, К. Миядзава), националисты, ориентированные на независимость (Т. Наканиси, Дз. Это, С. Исихара), и приверженцы глобальной, или человеческой безопасности (Ё. Сакамото, С. Цугу, М. Асаи) [Akaneya 1998, p. 186–187].

Дискуссии относительно роли Японии в 1990-е гг. обозначили водораздел в японской политологии – принадлежность к сторонникам или противникам концепции «обычного государства» (normal state, *фуцу-но кун*). Под этим термином подразумевается: 1) снятие ограничений в оборонной политике или 2) превращения Японии в страну, «которой нечего стыдиться и не за что извиняться, причем второе условие предположительно делает необходимым первое» [Чугров 2020, с. 80]. Эти дискуссии не только стали доминировать в академическом сообществе, но и по сей день формируют политическую повестку дня.

Альтернативную точку зрения представляли сторонники наращивания потенциала Японии в международной гуманитарной деятельности, чьи взгляды нашли отражение в концепции просвещенных интересов, выдвинутой в докладе «Цели Японии в XXI веке», подготовленном в мае 1999 г. для премьер-министра К. Обути. Согласно этой концепции Японии необходимо не выбирать между США и Азией, а исходить из собственных «просвещенных интересов». Она должна следовать по пути «гражданской державы», перед которой стоят три задачи: участие в решении проблем безопасности, глобальная деятельность по строительству международного экономического порядка, а также сотрудничество с развивающимися странами через механизм предоставления ОПР [Japan goals...]. Авторы доклада выступают против милитаризации Японии, мотивируя это тем, что, во-первых, наращивание вооруженных сил потребует увеличения роста военных расходов при отсутствии гарантий укрепления безопасности, а во-вторых, вызовет серьезную озабоченность у азиатских стран. Предлагается вариант скромной модернизации Сил самообороны в рамках прежней модели сотрудничества с США, чтобы, опираясь на статус пацифистской державы, координировать международные усилия в социально-экономической области, руководствуясь целями обеспечения мира, стабильности, процветания и благосостояния людей. По мнению одного из идеологов этой точки зрения – Ё. Фунабаси, концепция глобальной гражданской державы отвечает долгосрочным интересам Японии, поскольку ее продвижение на международном уровне будет способствовать снижению значимости военной силы в мире и позволит создать благоприятную для японских национальных интересов внешнюю среду [Funabashi 1995, p. 13].

Апологетом концепции «просвещенных интересов» выступал и упоминавшийся ранее Т. Камо. Взгляды Т. Камо оказались весьма востребованы в постбиполярный период. Еще в 1980-е гг. ученый писал о способности государства устанавливать правила игры и нормы действий других стран. Речь шла о непрямой силе, скрытой силе (мягкой силе, не-принуждению, структурной силе), то есть говорилось о том, что с помощью масштаба и количества экономических связей государство может косвенно влиять на действия другого государства, формируя среду, в которой оно действует, и спектр возможных сценариев поведения. То есть

государство может само не прибегать к экономическим методам в МО, однако имеет значение его экономический вес, который проецируется через мировые рынки, экономические режимы и международные институты [Hughes 1999, p. 22]. То, о чем писал Камо, впоследствии Ё. Фунабаси назвал латентной силой – *сэндзайрёку*. Именно экономическая сила, осуществляемая косвенно, является мощным активом государства, определяющим его влияние на международной арене. Такое утверждение было особо близко Японии, в 1980-е гг. занимающей ведущие позиции в мировой экономике и, по некоторым прогнозам, способной сместить США с места мирового лидера. В 1990-е гг., на волне либерализма, утверждения Т. Камо о том, что в процессе интернационализации Японии не следует усиливать военные затраты и укреплять военную и стратегическую мощь, легли на благодатную почву.

Если перечисленные выше реалисты и либералы-сторонники альянса относились к глобальным вопросам с точки зрения просвещенных национальных интересов, то представители левой идеологии и пацифисты рассматривали их с позиции противоречий Юга и Севера или обеспечения прав человека [Добринская 2005, с. 48]. В связи с этим стоит обратить внимание на появление в теоретических разработках японских ученых концепции «безопасности человека» (*human security*, *нингэн андзэн хосё*) (БЧ). Эта концепция впервые появилась в Докладе ПРО ООН по человеческому развитию 1994 г. и отличалась широким подходом к обеспечению безопасности, основным объектом которой становился человек, индивид. Обеспечение безопасности должно было достигаться не посредством вооружения, а посредством устойчивого человеческого развития [Human development report, p. 24].

Концепция «безопасности человека» вызвала большой интерес в Японии. Во-первых, она оказалась близка появившейся на рубеже 1970-х –1980-х гг. КОНБ, поскольку также делала акцент на невоенной безопасности. Во-вторых, концепция имела практическое значение, поскольку позволяла Японии рассматривать участие в решении глобальных проблем как вклад в обеспечение международной безопасности. И в ее ооновской дипломатии, и в региональной дипломатии вопросы безопасности человека занимают особое место. В регионах, где возникают конфликты и появляются беженцы, Япония часто поддерживает и дополняет действия США, по существу занимаясь вопросами БЧ. Таким образом, увеличивается видимое присутствие Японии в международных отношениях [Нихон гайко..., с. 12]. При этом японский подход четко ограничен социально-экономическими аспектами этой концепции, которую некоторые страны Запада стали использовать как обоснование гуманитарных интервенций. По словам бывшего Верховного комиссара ООН по делам беженцев С. Огата, безопасность человека – это превентивная мера и не имеет ничего общего с оперативным вмешательством в конфликт после его возникновения [Нихон гайко..., с. 23].

БЧ стала популярной темой академических журналов, а также университетской дисциплиной. Уже в 1994 г. в журнале «Прайм» появилась статья профессора Мэйдзи гакуин К. Мусякодзи, посвященная этой теме. Он дал определение этому понятию, которое «относится ко всем видам безопасности, которые касаются всех человеческих индивидов или группы, защищенных или защищающих от всех видов угроз, которые существуют в человеческой среде обитания» [Mine, Fukuda 2012, p. 204]. В апреле 2004 г. была учреждена первая аспирантура по БЧ в Токийском университете, а в 2005 г. началось преподавание курса в университете Досися. БЧ была введена в качестве одной из тем в таких программах как изучение проблем мира, развития, безопасности [Mine, Fukuda, 2012, p. 207].

Преимущество БЧ состояло в том, что она позволяла Японии играть важную роль в формировании повестки дня безопасности в постбиполярном мире, в какой-то степени отражая азицентричный, японоцентричный подход. В отличие от механизма, в рамках которого «ответственные» державы на Севере определяют место, время и алгоритм своих односторонних действий, безопасность человека в «азиатском стиле» может быть ориентирована на подход, идущий снизу вверх, в котором главные акторы думают и действуют в локальных и региональных рамках в духе сотрудничества [Mine, Fukuda 2012, p. 213].

* * *

Японские теоретические подходы к международным отношениям отличаются многообразием, в котором сочетаются политические исследования, исследования дипломатической истории, культурологические, политэкономические исследования. Они опираются на различные методологические традиции, которые сосуществуют друг с другом и не стремятся к взаимной интеграции, но в то же время редко находятся в состоянии конфронтации.

Японские теоретические течения МО зародились после Реставрации Мэйдзи, преимущественно под влиянием Запада. В период, когда Япония взяла курс на вхождение в клуб великих держав, она активно использовала изыскания ученых для обоснования механизма своего доминирования в регионе, выступая идеологом создания нового регионального порядка. Безусловно, после 1945 г. США оказали осязаемое культурное и идеологическое влияние на Японию, в том числе на ее изучение ТМО, однако это влияние не было абсолютным. Западные ТМО выборочно ложились на японскую почву или же трансформировались в соответствии с японскими реалиями или особенностями мышления. Это отразилось и в том, что японские теоретики и международники иначе трактуют некоторые термины, в частности, идеализм и реализм. Это отразилось и в попытках японских ученых «азиатизировать» некоторые теории, отойти от их западоцентричности (например, переосмысление мир-системы или «теория комбинированной структуры»).

Проникновение западных теорий, как правило, придавало импульс для появления их японизированных вариантов. Можно сказать, что японская внешнеполитическая мысль развивалась под влиянием западных теорий, однако не была поработана ими, напротив, сумела их переосмыслить и на их основе создать самобытные течения. Японские подходы к международным отношениям эволюционировали одновременно с концептуальным переосмыслением окружающего мира и места в нем Японии, ее национальной идентичности.

Какие бы в Японии ни существовали подходы к международным отношениям, их объединяет пацифистская мысль. Будь то споры между сторонниками альянса с США или нейтралитами, будь то выдвинутая И. Одзава концепция «активного пацифизма», поддержанная бывшим премьер-министром С. Абэ, идея мира остается константой любых теоретических разработок, относящихся к МО. Притом, что реализм остается доминирующим элементом внешней политики, важную роль в японском видении мира играет фактор культуры, а также возможности проявлять лидерство через отсутствие принуждения, что нашло отражение в концепции просвещенных интересов, развитии идей «безопасности человека», мягкой силы.

В Японии сильны традиции описательные, связанные с доминированием исторического подхода и науки о государстве, в противовес позитивизму. Это оказывало сдерживающий эффект на развитие теории МО в Японии. Кроме того, представляется, что в целом теоретические подходы к МО тяготеют больше к поиску ответов на конкретные вопросы, чем к абстрактным построениям. В этом находят отражения особенности японского менталитета и характерные черты японской политической культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. Москва: НОФМО. 2002.

Грачиков Е. Китайская теория международных отношений: становление национальной школы // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3. С. 68–80. DOI 10.17994/IT.2016.14.3.46.5

Добринская О.А. Эволюция политики Японии в области обеспечения национальной безопасности Японии после крушения биполярной системы международных отношений. Дисс. на соискание степени к.и.н. М. 2005.

Лебедева М. Незападные теории международных отношений: миф или реальность? // Вестник РУДН. Международные отношения. 2017. № 17. С. 246–256.

Чугров С.В. Корни и тренды японских теорий международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 5. С. 71–81.

REFERENCES

Bogaturov, A.D, Kosolapov N.A, & Khrustaleva, M.A. (2002). *Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii* [Essays on theory and political analysis of international relations]. Moskva: NOFMO. (In Russian).

Chugrov, S.V. (2020). Kornii i trendy yaponskikh teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Sources and trends of Japanese international relations theories]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 64(5), 71–81. (In Russian).

Dobrinskaya, O.A. (2005). *Evolutsiya politiki Yaponii v oblasti obespecheniya nacional'noi bezopasnosti Yaponii posle krusheniya bipolyarnoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii* [Evolution of Japan's national security policy after the collapse of the bipolar system of international relations] (Dissertation for the Candidate of Historical Sciences degree). Moscow. (In Russian).

Grachikov, E. (2016). Kitaiskaya teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii stanovlenie natsional'noi shkoly [Chinese school of international relations theory]. *Mezhdunarodnye processy*, 14(3), 68–80. DOI 10.17994/IT.2016.14.3.46.5 (In Russian).

Lebedeva, M. (2017). Nezapadnye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: mif ili real'nost'? [Non-Western international relations theory: myth or reality?]. *Vestnik RUDN. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 17, 246–256. (In Russian).

* * *

Akaneya, T. (1998). *Japan // The new security agenda. A global survey*. Tokyo.

Costigliola, F. (2000). Review: a cultural world order. *Diplomatic history*, 24(2), 377–379.

- Funabashi, Y. (1995). *Introduction: Japan's international agenda for the 1990s // Japan's international agenda*. Tokyo.
- Howe Ch., & Hook, B. (1996) *China and Japan: history, trends and prospects*. Oxford University Press.
- Hughes, Ch. (1999). *Japan's economic power and security. Japan and North Korea*. Routledge.
- Ikeda, J. (2008). Japanese vision of international society. In K. Shimizu, J. Ikeda, T. Kamino, & S. Sato. *Japanese international relations before 1945*. Afrasian centre for peace and development studies, Ryukoku university.
- Ikeda, S. (1996). History of world-system vs. history of East Asia. *Review (Fernand Braudel Center)*, 19(1), 49–77.
- Inoguchi, T. (2010). Why are there no non-Western theories of international relations. The case of Japan. In A. Acharya, & B. Buzan (Eds.), *Non-western international relation theory*. Routledge.
- Kosaka, M. (2012). A realist theory of peace. *Japan Forum*, 24 (4), 397–411.
- Manabe, S. (1999). *Gendai Nihon-no gajkōron* [Sovremennaya teoriya yaponskoj diplomatii]. Osaka.
- Mine, Y. & Fukuda, S. (2012). Mainstreaming human security education and research: lessons from the networking activities in Japan. In Chantana Banpasirichote, Philippe Doneys, Mike Hayes, Chandan Sengupta (Eds.), *Mainstreaming human security: Asian perspectives*. Bangkok: Chulakongkorn University.
- Nakano, R. (2007). 'Pre-history' of international relations in Japan: Yanaihara Tadao's Dual perspectives of Empire. *Millenium: Journal of International Studies*, 35(2), March.
- Nihon gajkō no kidōryoku to shite. Naze ningen no anzen hoshō nanoka [Why is human security the driving force of Japanese diplomacy?]. (2003). *Gaikō fōramu*, 12.
- Sato, S., Ikeda, J., Ching Chang Chen, & Young Chul Cho. (2011). *Re-examination of "Non-Western International Relations Theories*. Kyoto working papers on Area studies No.118. June.
- Shimizu, K. (2008) Culture and international relations. In K. Shimizu, J. Ikeda, T. Kamino, & S. Sato. *Japanese international relations before 1945*. Afrasian centre for peace and development studies, Ryukoku university.
- Yamamoto, K. (2011). International relations studies and theories in Japan. *International relations of the Asia Pacific*, 11, 259–278.
- Yamamoto, K. (2018). A triad of normative, pragmatic, and science-oriented approaches: the development in international relations theory in Japan revisited. *The Korean Journal of International Studies*, 16(1), April, 121–142.